

Барышникова Ирина Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики английского языка
Института иностранных языков
Московского городского
педагогического университета
тел.: (916) 129-55-03

**РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ
СИДЯЩЕГО НА ПРЕСТОЛЕ ТВОРЦА
(ОТКР. 4, 2-11)
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В.А. ЖУКОВСКОГО, А.Н. МАЙКОВА,
И.А. БУНИНА, А.А. ФЕТА) [1]**

Baryshnikova Irina Yuryevna

PhD,
Associate Professor of
the English Phonetics Department,
Foreign Languages Institute of
The Moscow City Teachers' Training University
tel.: (916) 129-55-03

**THE ROLE OF CHRISTIAN SYMBOLISM
IN THE POETIC DESCRIPTION OF GOD,
SITTING ON THE THRONE
(REVELATION 4, 2-11)
(ON THE BASIS OF THE POEMS
BY V.A. ZHUKOVSKY, A.N. MAIKOV,
I.A. BUNIN, A.A. FET) [1]**

Аннотация:

Апокалипсис, или Откровение св. Иоанна Богослова, всегда привлекал внимание русских художников слова, однако парафразирование отдельных глав и эпизодов встречается редко, как и подробный литературоведческий анализ текстов в сопоставлении с оригиналом на основе святоотеческой традиции. В статье рассматриваются поэтические переложения В.А. Жуковского, А.Н. Майкова, И.А. Бунина и А.А. Фета нескольких стихов четвертой главы Апокалипсиса (4, 2–11), где говорится о явлении сидящего на престоле Творца. Особая роль в статье уделена христианской образности и символике указанного эпизода.

Ключевые слова:

Апокалипсис, четвертая глава Апокалипсиса (Откровения св. Иоанна Богослова), В.А. Жуковский, А.Н. Майков, И.А. Бунин, А.А. Фет, образы-символы.

The summary:

Apocalypse (Revelation of St. John the Devine) has always attracted Russian poets, but the poetic interpretations of its chapters and episodes as well as the philological analysis of the texts on the basis of Christian tradition can be seldom found. The article shows several interpretations of the episode of the fourth chapter of Revelation (4,2-11) made by V.A. Zhukovsky, A.N. Maikov, I.A. Bunin and A.A. Fet. Special role is given to Christian symbolism of the chapter.

Keywords:

Apocalypse, the fourth chapter of Apocalypse (Revelation of St. John the Devine), V.A. Zhukovsky, A.N. Maikov, I.A. Bunin, A.A. Fet, symbols.

В истории русской поэзии бывали «рубежные» эпохи, которые побуждали художников обращаться к библейской образности, к символике и семантике Нового Завета, в частности, к Апокалипсису. С другой стороны, в истории филологической науки тоже вызревают времена, когда внимание к названной образности оказывается определяющим [2].

Трудно назвать поэта Серебряного века, который не обратился бы к апокалиптическим реминисценциям или аллюзиям [3]. Однако к главе 4 Откровения (4, 2–11), может быть, наиболее художественно выразительно смогли обратиться в XIX в. В.А. Жуковский, А.Н. Майков, А.А. Фет и И.А. Бунин как представитель Серебряного века.

К описанию сидящего на престоле Творца обращаются А.Н. Майков (4-ая глава поэмы «Из Апокалипсиса»), И.А. Бунин (стихотворение «Из Апокалипсиса Глава IV»).

«И тотчас я был в духе; и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий; и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду. И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы. И от престола исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих» (Откр. 4, 2–5) [4].

Ср.: А. Майков 4-ая глава:

И я узрел – престол. На нем Сидящий
Сиял, как аспид-камень или сардис.
И радугой смарагдовой престол
Был окружен, и двадцать четыре
Вокруг него других престола было,

И двадцать четыре восседало
На оных старца, в белых одеяньях
И со златыми на главах венцами.
И от престола исходили громы,
И молнии, и гласы, и горели
Семь огненных светильников пред ним [5, с. 30].

Иван БУНИН. Из Апокалипсиса Глава IV:

И се-на небесах перед очами
Стоял престол, на нем же был Сидящий.
И сей Сидящий, славою сияя,
Был точно камень яспис и сардис,
И радуга, подобная смарагду,
Его престол широко обняла.
И вокруг престола двадцать четыре
Других престола было, и на каждом
Я видел старца в ризе белоснежной
И в золотом венце на голове.
И от престола исходили гласы,
И молнии, и громы, а пред ним –
Семь огненных светильников горели,
Из коих каждый был Господний дух [6, с. 87].

Оба поэта подробно, близко к тексту оригинала описывают сидящего на престоле Творца. Яркие образы «яспис» (у Майкова «аспид-камень»), «сардис», «радуга», «смарагд», «громы и молнии», «семь светильников огненных» усиливаются глаголом «сиять» (Майков) и деепричастием «сияя» (Бунин). Образ сияния, кстати, появляется и при описании Вседержителя в стихотворении Бунина «Саваоф»: «Был вечер, март, сияла синева». «Вид его был подобен драгоценным камням "иаспису" ("камень зеленеющий, яко смарагд") и "сардинови" (сардис, или сердоник, цвета желто-огненного). Первый из этих цветов – зеленый, по толкованию св. Андрея Кесарийского, означал то, что Божественное естество вечноцветуще, живоносно и пищеподательно, а второй – желто-красно-огненный – чистоту и святость, вечно пребывающие в Боге, и грозный гнев Его к тем, которые нарушают Его волю. Соединение этих двух цветов указывает на то, что «Бог карает грешников, но в то же время всегда готов простить искренно кающегося. Явление Сидящего на престоле было окружено "дугой" (радугой), подобно смарагду, камню зеленого цвета, что означало, как и радуга, явившаяся после потопа, вечную милость Божию к человечеству» [7, с. 16]. В данном случае в основном фигурируют емкие многозначные образы-символы, соединяющие разные ипостаси Вседержителя (ветхозаветные и новозаветные) или образы двадцати четырех старцев, облеченных в белые одежды (символ чистоты и вечного празднования) с золотыми венцами на главах (символ победы над демонами), символизирующих, по словам архиепископа Андрея, двенадцать праведников Ветхого Завета (патриархи и пророки) и двенадцать Нового (апостолы) [8, с. 96].

Здесь все торжественно, хорально, все напоминает ветхозаветный хвалебный псалом или оду. И «ветхозаветен» здесь не только Бунин, как это отмечает исследователь В.А. Котельников [9], но и Майков. Жуковский, несмотря на то, что его переложение «Из Апокалипсиса», включенное в поэму «Агасфер», является одним из наиболее полных, обходится без подробного описания Вседержителя как в интерпретации первой главы Откровения, так и четвертой. Видимо, для концепции «Агасфера» это было не столь важно, так как герой поэмы – сам «ветхозаветный сын». Однако в первой главе перед нами открывается просто видение Бога, здесь же появляется именно образ престола и Сидящего на нем Творца. Образ этот встречается в Псалтири многократно: «Престол Твой утвержден искони; Ты – от века» (Пс. 92, 2), «Облако и мрак окрест Его; правда и суд – основание престола Его» (Пс. 96, 2), «Ибо Ты производил мой суд и мою тяжбу; Ты воссел на престоле, Судья праведный» (Пс. 9, 5). «Самое сидение на престоле означало открытие Суда Божия, имеющего открыться в последние времена. Это еще не последний Страшный Суд, но суд предварительный, подобный тем судам Божиим, которые совершались неоднократно в истории человечества над согрешившими людьми (Всемирный потоп, гибель Содомы и Гоморры, гибель Иерусалима и многие другие)» [10, с. 16].

Суд и гнев Божий в данном случае символически ассоциируется с «гласами», «молниями» и «громами», которые исходят от престола. Эти образы есть в оригинале и в обоих пере-

ложениях. Встречаются они и в псалмах: «Молнии Его освещают вселенную, земля видит и трепещет» (Пс. 96, 4). В этом смысле интересна интерпретация псалма И.А. Крыловым «Ода, выбранная из псалма 96»:

Преыдет огонь, и вихрь пред Ним,
И гром, ревуший в кару злым;
Окрест несется мрак стесненный,
Вьют вихри, дождь, и снег, и град,
И молнии Его блестят От края до края вселенной;
Немее гром, Ему внемля,
Как море зыблется земля [11, с. 165].

Лексема «престол» отсутствует в данном отрывке, однако у Крылова в переложении псалма 93 появляется ее своеобразный перифраз:

Снесись на вихрях, мщений Царь!
Воссядь на громах-тучах черных,
Судить строптивых и упорных;
Ступи на выи непокорных,
И в гордых молнией ударь.
Доколь вздымать им грудь надменну
И подпирать пороков трон,
Правдивых гнать из света вон? [12, с. 164].

Лексема «престол» трансформируется в «громы-тучи черные», на которых восседает Господь. Такой престол ассоциируется только с наказанием «строптивых, упорных и непокорных» и мщением им. При этом он продолжает оставаться престолом добродетели. Антитезой ему здесь служит «пороков трон», где «трон» безусловно стилистически снижен по сравнению с «престолом».

Очень лаконичен и динамичен образ грома и молнии у А.А. Фета в стихотворении «Аввадон»: «Молнии с громом по небу летят, / И раздаются из них: «Свят! Свят! Свят!». Четыре ангельских существа, о которых речь пойдет ниже, не просто славят Господа-Вседержителя, как об этом говорится в Апокалипсисе, а славят Его именно в карающей ипостаси. Это не противоречит Писанию, просто здесь хвалебная молитвенная песнь, движение (глагол «летят») и гром с молниями сливаются в единое целое.

Драгоценные камни яспис и сердоник, а также радуга вокруг престола, являющаяся символом прекращения гнева Божия и обновления мира, обозначают, что суд Божий над миром, то есть огненное истребление его, окончится обновлением его. На это особенно указывает свойство ясписа исцелять язвы и раны, полученные от меча» [13, с. 16].

Далее идет описание тетраморфа, четырех ангельских существ, находящихся у престола Всевышнего:

«И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет. И когда животные воздают славу и честь и благодарение Сидящему на престоле, Живущему во веки веков, тогда двадцать четыре старца падают пред Сидящим на престоле, и поклоняются Живущему во веки веков, и полагают венцы свои перед престолом, говоря: достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (Откр. 4–11).

«И пред престолом море сткляно, подобно кристаллу» – кристальное море, как неподвижное и тихое, в противоположность бурному морю, виденному позже св. Иоанном (13:1), должно означать «множество святых сил небесных, чистое и бессмертное» (св. Андрей Кесарийский), это – души людей, подобно кристаллу, отражающие семь радужных цветов, проникнутые семью дарами благодати Духа Святого. «И посреде престола и окрест престола четыре животна исполнена очес спреди и сзади»... Это верховнейшие и приближеннейшие к Богу ангельские существа, непрестанно славящие Бога. Эти животные послужили эмблемами четырех Евангелистов. Четырьмя животными и старцами указывается на то, что из Ангелов и людей образовалось одно стадо и одна Церковь через Христа Бога» [14, с. 20–21].

Поэтические описания тетраморфа есть не только у Майкова и Бунина, но и у Жуковского:

И четыре трон
Животных на хребте держали,
Имея образ льва, тельца, орла
И человека; и шесть крыльев было
У каждого [животного великих];
И были крылья их могучими очами покрыты;
[И нет ни днем, ни ночью им покоя.]
И горний трон тот окружали двадцать
Четыре старца — на престолах, в белых
Одеждах, с золотыми на главах
Коронами, сидевшие. И громко
Животные трондержавцы пели:
«Свят! свят! свят!» Когда же начиналось
Их пение, все пред горним троном двадцать
Четыре старца падали на землю,
К Его ногам кладя свои короны... [15, с. 225].

Ср.:

И пред престолом было словно море
Стеклянное, и вокруг него четыре
Животных, испещренные очами.
И первое подобно было льву,
Тельцу – другое, третье же имело
Лик человеческий, а остальное –
Летящего орла имело вид.
И по шести они имели крыл,
И день и ночь взывали: «Свят, свят, свят
Господь Бог Вседержитель ныне, присно
И вовеки веков». Когда ж взывали –
С своих престолов поднимались старцы,
И поклонялись, и полагали
Свои венцы перед большим престолом,
И говорили: «Ты еси достоин,
Господь, прияти славу, честь и силу,
Бо сотворил ты всё и всё содержишь,
И волею твоей всё существует» [16, с. 31].
(Майков)

И пред лицом престола было море,
Стеклянное, подобное кристаллу,
А посреди престола и окрест –
Животные, число же их четыре.
И первое подобно было льву,
Тельцу – второе, третье – человеку,
Четвертое – летящему орлу.
И каждое из четырех животных
Три пары крыл имело, а внутри
Они очей исполнены без счета
И никогда не ведают покоя,
Взывая к Славе: свят, свят, свят Господь,
Бог Вседержитель, Койй пребывает
И был во веки века и грядет!
Когда же так взывают, воздавая
Честь и хвалу Живущему вовеки,
Сидящему во славе на престоле,
Тогда все двадцать четыре старца
Ниц у престола падают в смиреньи
И, поклоняясь Сущему вовеки,
Кладут венцы к престолу и рекут:

«Воистину достоин восприяти
Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу,
Затем, что все Тобой сотворено
И существует волею Твоею!» [17, с. 88].
(Бунин)

Три автора, Жуковский, Майков и Бунин, перелагают этот эпизод четвертой главы очень близко к первоисточнику, практически без рифмы, делая лишь некоторые отступления и добавления. По сути это стихи в прозе, подробный рассказ со сложным синтаксисом. У Жуковского отсутствует образ стеклянного моря, славянская лексема «престол», которая ассоциируется не только с земной властью, но, прежде всего с Божественной (оригинал, Майков, Бунин) заменяется более мирским, светским понятием «трон», правда названным «горний», что по сути возвращает «трону» статус «престола». Этот «горний трон» четыре животных «на хребте держали», поэтому они называются «тронодержавцами» (авторский неологизм, образован по аналогии с «Вседержителем», «самодержцем»). Крылья животных «могучими очами покрыты», у Майкова «испещеренные очами», у Бунина «очей исполнены без счета». Ср. с оригиналом: «внутри исполнены очей». Бунин и Майков делают акцент на множестве очей, а Жуковский на их силе и мощи. И то, и другое соответствует святоотеческому толкованию данных стихов: «Множество очей говорит об их способности созерцать Божественное сияние» [18, с. 59] или «Божественное всеведение, знание всего прошедшего, настоящего и грядущего» [19, с. 21], что по сути и есть могущество. У Жуковского «двадцать четыре старца падали на землю / К Его ногам кладя свои короны», у Майкова «И поклонялися и полагали / Свои венцы перед престолом», у Бунина «Тогда все двадцать четыре старца / Ниц у престола падают в смиреньи / И, поклоняясь Сущему вовеки, / Кладут венцы к престолу». «Короны» Жуковского опять-таки более светское понятие, нежели «венцы», которые в христианской традиции означают власть, славу, победу и мученичество. Поведение старцев свидетельствует об их служении Господу, поклонении Ему, величании Его, а также об их смирении (эта мысль лучше выражена у Бунина: «Ниц... падают в смиреньи»).

Диссонансом выглядит сжатое, лаконичное стихотворение А.А. Фета «Аввадон». Впрочем, все образы, кроме старцев, сохраняются:

Ангел, и лев, и телец, и орел –
Все шестикрылые – держат престол,
А над престолом, над тем, кто сидит,
Радуга ярким смарагдом горит.
Молнии с громом по небу летят,
И раздается из них: «Свят, свят, свят!» [20, с. 64].

«Свят, Свят, Свят!» – славословие тетраморфа данных стихов Откровения и соответствующих поэтических переложений есть Трисвятое песнопение Входа, звучащее во время Литургии. У Фета подобным образом славят Творца не только ангельские существа, четыре «шестикрылых» животных Апокалипсиса, но и звезды в другом стихотворении «Тихо ночью на степи...»: «Звезды ж крупные в лучах / Говорят на небесах / Вечный Свят, Свят, Свят!», которые, однако, тоже тесно связаны с ангельским миром: « В небе чутко и светло / Неподвижное крыло / За плечом молчит / Нет движенья; лишь порой/Бриллиантовой слезой/Ангел пролетит» [21, с. 72].

Таким образом, явление Сидящего на престоле Господа, о котором говорится в 4-ой главе Откровения и в указанных стихотворениях, представляет собой открытие пророку некоторых тайн Царствия, соединяет Ветхий Завет с Новым, предуготовляет Страшный Суд и все события Апокалипсиса. Об этом свидетельствуют упоминающиеся в текстах оригинала и поэтических переложениях символические образы (драгоценные камни яспис и сердоник, громы и молнии, радуга вокруг престола, четыре ангельских существа, 24 старца и др.), а также «псалтирное» звучание данных стихов. «Ветхозаветны» здесь не только И.А. Бунин, но и А.Н. Майков, и В.А. Жуковский. Их переложения данных стихов очень близки к оригиналу, по сути это пересказ Откровения со сложным синтаксисом, с некоторыми лишь изменениями, отступлениями и добавлениями. Особняком стоит лаконичное, экспрессивное стихотворение А.А. Фета «Аввадон», где, однако, основные образы сохраняются. Особое внимание уделяется природным образам грома и молнии.

Ссылки и примечания:

1. Работа подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы».
2. Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. Спб., 2006 ; Загородняя Г.Ю. Псалтырь в русской поэзии: три опыта стилизации. Там же: С. 226–232 ; Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1988. Вып. 2 ; Петрозаводск, 1994. Вып. 3.
3. Соловьев В. «Знамение» (1898), Блок А. «Верю в солнце Завета» (1902), Брюсов В. «Конь блед» (1903), Гумилев Н. «Судный день» (1909) и др.
4. Новый Завет М., 1993.
5. Майков А.Н. Избранное. М., 1999.
6. Бунин И.А. Соб. соч. М., 1993.
7. Аверкий, архиепископ. Апокалипсис св. Иоанна Богослова. М., 1991.
8. Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиепископа Кесарийского. М., 2008.
9. Котельников В.А. Ветхозаветность И.А. Бунина // Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996.
10. Аверкий, архиепископ. Указ. соч.
11. Молитвы русских поэтов XI–XIX веков. Антология. М., 2010.
12. Там же.
13. Аверкий, архиепископ. Указ. соч.
14. Там же.
15. Молитвы русских поэтов XI–XIX веков.
16. Майков А.Н. Указ. соч.
17. Бунин И.А. Указ. соч.
18. Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиепископа Кесарийского.
19. Аверкий, архиепископ. Указ. соч.
20. Молитвы русских поэтов XI–XIX веков.
21. Фет А.А. Стихотворения. М., 2000.

References (transliterated) and notes:

1. The paper was prepared as a part of the Federal Program "Scientific, academic and teaching personnel of innovative Russia for 2009–2013".
2. Koshemchuk T.A. Russkaya poeziya v kontekste pravoslavnoy kul'tury. Spb., 2006 ; Zavgorodnyaya G.Y. Psaltyr' v russkoy poezii: tri opyta stilizatsii. Ibid: P. 226–232 ; Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: col. of sci. works. Petrozavodsk, 1988. Issue 2 ; Petrozavodsk, 1994. Issue 3.
3. Solov'ev V. "Znamenie" (1898), Blok A. "Veryu v solntse Zaveta" (1902), Bryusov V. "Kon' bled" (1903), Gumilev N. "Sudniy den" (1909), etc.
4. Noviy Zavet M., 1993.
5. Maykov A.N. Izbrannoe. M., 1999.
6. Bunin I.A. Sob. soch. M., 1993.
7. Averkiy, arkhiepiskop. Apokalipsis sv. Ioanna Bogoslova. M., 1991.
8. Tolkovanie na Apokalipsis sv. Andrey, arkhiepiskopa Kesariyskogo. M., 2008.
9. Kotel'nikov V.A. Vetkhozavetnost' I.A. Bunina // Khristianstvo i russkaya literatura. Sb. 2. SPb., 1996.
10. Averkiy, arkhiepiskop. Op. cit.
11. Molitvy russkikh poetov XI–XIX vekov. Antologiya. M., 2010.
12. Ibid.
13. Averkiy, arkhiepiskop. Op. cit.
14. Ibid.
15. Molitvy russkikh poetov XI–XIX vekov.
16. Maykov A.N. Op. cit.
17. Bunin I.A. Op. cit.
18. Tolkovanie na Apokalipsis sv. Andrey, arkhiepiskopa Kesariyskogo.
19. Averkiy, arkhiepiskop. Op. cit.
20. Molitvy russkikh poetov XI–XIX vekov.
21. Fet A.A. Stikhotvoreniya. M., 2000.